

С. Ж. Соловых

**РОЛЬ КОНКРЕТИЗАЦИИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ
В СИСТЕМЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ
УЧАСТНИКОВ АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

В статье проанализированы процессуально-правовые средства, играющие роль гарантий реализации субъективных процессуальных прав участников арбитражного судопроизводства. Автор указывает на то, что в системе арбитражно-процессуальных гарантий следует выделять средства конкретизации и средства, указывающие на пределы реализации субъективных процессуальных прав. Отмечается, что значение средств конкретизации состоит в том, что они определяют значимость субъективного процессуального права, его юридическую силу и содержание.

Ключевые слова: процессуальные гарантии, субъективные процессуальные права, средства конкретизации.

S. Zh. Solovykh

**THE ROLE OF SPECIFICATION OF SUBJECTIVE PROCEDURAL RIGHTS
IN THE SYSTEM OF PROCEDURAL GUARANTEES OF PARTICIPANTS
IN ARBITRATION PROCEEDINGS**

The article represents the analysis of procedural-legal means playing the role of guarantees of exercising subjective procedural rights of participants in arbitration proceedings. The author points out that in the system of arbitration procedural guarantees it is advisable to distinguish means of specification and means indicating the limits of exercising subjective procedural rights. The author also emphasizes that means of specification are important because they determine the significance of a subjective procedural right, its legal force and content.

Keywords: procedural guarantees, subjective procedural rights, means of specification.

Вопрос действия механизма реализации права на судебную защиту и закрепление его основных элементов в современном процессуальном законодательстве, несомненно, является одним из важнейших. По уровню и эффективности судебной защиты можно судить об общих демократических началах в государстве. Как следствие, закрепление судостроительных и судопроизводственных элементов справедливого судебного разбирательства и дальнейшее их совершенствование позволяет говорить о действенной реализации права на судебную защиту.

Одним из элементов механизма реализации права на судебную защиту можно назвать субъективные процессуальные права, осуществление которых позволяет участникам арбитражного судопроизводства наиболее полно и эффективно достичь цели участия в арбитражном процессе.

Реализация субъективных процессуальных прав в силу действия принципа состязательности арбитражного судопроизводства требует активных действий со стороны участника арбитражного судопроизводства. Претворение возможности, заключенной в субъективном процессуальном праве, в действительность происходит путем соотнесения правообладателем своих действий с процессуальными нормами, устанавливающими субъективное процессуальное право, в целях определения пределов его реализации. Содержание процессуальной нормы должно быть изначально понято правообладателем путем ее осознания, и только затем смысл нормы воплощается в конкретных действиях, которые могут быть как позитивного, так и негативного характера.

Правообладатель, осмысливая предоставленное субъективное процессуальное право с точки зрения

его содержания и пределов, принимает решения о путях его реализации, выбирая оптимальные способы его обеспечения и возможной последующей защиты. Здесь особую роль играет потребность, которая оказывает влияние на выбор субъектом формы осуществления права, т. е. определяются компоненты социально-психологической регуляции его поведения в процессе, а именно: заинтересованность, цели, мотивы, правовая установка. Такие компоненты должны рассматривать как целостную систему, где дефектность хотя бы одного создает различные искажения правореализационного процесса, его неэффективность либо злоупотребление правом.

Четкое представление о своей потребности в конкретном благе, формирование понятия о его содержании и границах опосредующего его субъективного процессуального права, принятие обдуманного решения о средствах и способах его претворения в фактическую действительность есть залог правомерного поведения в период судебного разбирательства. Однако факторы, которые рассматриваются как субъективно-психологические элементы механизма реализации субъективных процессуальных прав, не могут располагаться в едином ряду с его системообразующими правовыми элементами. Такие факторы выступают относительно автономным элементом, выходящим за область процессуального регулирования, но являются, несомненно, существенными, так как без сознательно-волевых начал невозможно функционирование механизма реализации.

Как следствие, арбитражное процессуальное законодательство должно содержать правовые средства и способы, указывающие правообладателю на эффективные пути реализации субъективного процессуального права в целях достижения результативного итога.

Можно утверждать, что такими правовыми средствами являются процессуальные гарантии, которые обеспечивают правомерную реализацию предоставленных субъективных процессуальных прав.

Специальные гарантии правомерного осуществления процессуальных прав, предусмотренные арбитражным процессуальным законодательством, нацелены на создание для лиц, участвующих

в арбитражном судопроизводстве, оптимальной правовой среды их функционирования.

Фактически они определяют значимость субъективного процессуального права, его юридическую силу и содержание, конкретизируют его в действующем процессуальном законодательстве. Несомненно, важную роль в осуществлении субъективных процессуальных прав играет конкретизация полномочий обязанного лица в арбитражном процессуальном правоотношении, т. е. арбитражного суда, которые носят обеспечительный характер.

Процессуально-правовые средства, выполняющие функцию обеспечения реализации процессуальных прав, следует определять как самостоятельные элементы в системе арбитражно-процессуальных гарантий, и к ним, по нашему мнению, можно отнести:

— конкретизацию субъективных процессуальных прав;

— пределы реализации субъективных процессуальных прав.

Конкретизация субъективных процессуальных прав представляет собой технико-юридический прием, который позволяет произвести общее закрепление субъективных процессуальных прав в правовом материале, т. е. прямое нормативно-правовое закрепление путем определения конкретного правообладателя, а также установлением процессуальных гарантий, указывающих на пределы содержания процессуальных прав.

На необходимость выделения в качестве самостоятельных элементов системы арбитражно-процессуальных гарантий и значимости конкретизации процессуальных прав неоднократно указывали ученые-юристы, которые определяли необходимость их самостоятельного рассмотрения, обосновывая это тем, что такие процессуальные гарантии позволяют уяснить содержательную часть исследуемого вопроса [1, с. 108, 109].

В любом случае, когда вопрос касается арбитражно-процессуальных правоотношений как отношений, складывающихся в период осуществления правосудия, необходима большая степень формальной определенности при установлении конкретных рамок взаимных прав и обязанностей субъектов арбитражного процесса.

В правовой науке понятие «конкретизация» в большей части соотносится с проблемой конкретизации права, в отдельных случаях — с конкретизацией принципов права [2].

При определении понятия «конкретизация» в правовой доктрине на основе философско-логической аргументации разработана позиция, которая под конкретизацией предлагает понимать процесс формирования двух понятий, отображающий явления, одно из которых представляет «видовой» случай другого, т. е. понятий, находящихся в силу этого в родовых отношениях.

Это предполагает, что в случае отсутствия отношений между отражаемыми явлениями в виде «общее—особенное—единичное» употребление понятия «конкретизация» лишается смысла и становится методологически необоснованным [3, с. 31, 32].

Следуя вышеизложенному, можем сделать вывод о том, что отраслевые субъективные процессуальные права, во-первых, исполняют роль конкретизирующих процессуальных средств конституционного права на судебную защиту; во-вторых, сами нуждаются в средствах конкретизации.

То есть арбитражно-процессуальные гарантии устанавливают либо содержание субъективного процессуального права путем указания на объем процессуальных действий правообладателя в целях достижения блага, заложенного в субъективном процессуальном праве, либо устанавливают дополнительные процессуальные права, которые расширяют сферу субъективной свободы правообладателя в период судебного разбирательства.

Конституция РФ в ст. 46 устанавливает право на судебную защиту как общее конституционное право гражданина, характеризующееся особой социальной значимостью, стабильностью, неотчуждаемостью, всеобщностью. Таким образом, право на судебную защиту в содержательной своей части состоит в том, что оно принадлежит каждому гражданину и дает возможность беспрепятственного обращения к органам судебной власти за защитой нарушенного права и охраняемого законом интереса, а также с возможностью обжалования любых решений органов государственной власти [4, с. 27].

В своем конституционном содержании право на судебную защиту является непосредственно

действующим, но для своей реализации этого ему недостаточно.

Реализация в арбитражном процессуальном законодательстве права на судебную защиту происходит путем функционирования отраслевых и функциональных систем законодательства [5, с. 259, 260]. Для реализации права на судебную защиту необходим перевод общих конституционных предписаний на отраслевой законодательный уровень, такой перевод сопровождается детализацией конституционных гарантий права на судебную защиту средствами арбитражно-процессуального законодательства.

Б. С. Эбзеев указывает на то обстоятельство, что в любом случае, когда требуется конкретизация конституционных прав, оно должно проводиться путем детализации правомочий субъектов, установления процессуальной формы его осуществления, а также установления средств его осуществления [6, с. 13].

В этом смысле реализацию конституционного права на судебную защиту субъектами предпринимательской и иной экономической деятельности, установленного ст. 46 Конституции РФ, в рамках системы арбитражных судов следует рассматривать через призму правового регулирования общественных отношений, складывающихся при обращении в указанные судебные органы. Основными средствами, входящими в механизм реализации права на судебную защиту, являющимися детализированными правомочиями субъекта и позволяющими пользоваться в полном объеме судебной защитой, выступают субъективные процессуальные права.

К важнейшим элементам права на судебную защиту в юридической литературе относят право на обращение в суд за защитой нарушенного права [7]. Данная правовая возможность непосредственно вытекает из норм международного права [8] и в качестве элемента права на судебную защиту не подлежит какому-либо ограничению.

В соответствии со ст. 46, 123 Конституции РФ, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — КЗПЧ) право на судебную защиту — это не только право на обращение в суд, но и право быть выслушанным судом при разрешении дела по существу на основе состязательности и равноправия сторон [9].

Европейский суд по правам человека, интерпретируя в своих решениях смысл ст. 6 КЗПЧ, определяет, что национальные суды должны обосновать свои действия и мотивы в решении по делу, т. е. любое судебное разбирательство должно заканчиваться мотивированным решением. Целью мотивированности решений является то обстоятельство, что стороны должны быть уверены в том, что их требования были услышаны судом и получили надлежащую оценку [10]. Таким образом, в содержание права на судебную защиту должно включаться субъективное процессуальное право на результат судебного разбирательства [11].

Пункт 1 ст. 6 КЗПЧ трактуется Европейским судом таким образом, что в понятие справедливое судебное разбирательство должен в обязательном порядке включаться такой элемент, как исполнение окончательного решения по делу [12].

Таким образом, исходя из положений норм международного права, устанавливающих стандарты судебной защиты, а также основываясь на положениях Конституции РФ, можно утверждать, что основными процессуально-правовыми средствами, входящими в механизм реализации права на судебную защиту, наряду с иными являются субъективные процессуальные права, которые непосредственно детализируют правомочия субъекта:

- субъективное процессуальное право на доступ к правосудию;
- субъективное процессуальное право на судебное разбирательство;
- субъективное процессуальное право на результат судебного разбирательства;
- субъективное процессуальное право на исполнение судебного акта.

В данном случае следует уточнить, что объектом конкретизации является конституционная норма, которая закрепляет право на судебную защиту. В этом случае конкретизация направлена на технико-юридическую коррекцию, т. е. уточнение и развитие ее содержания в нормах отраслевого законодательства. В результате конкретизации содержание отраслевых процессуальных норм, устанавливающих перечисленные выше субъективные процессуальные права, предопределяется содержанием

конкретизируемой конституционной нормы, закрепляющей право на судебную защиту, и логически выводимо из него.

Поэтому следует согласиться с мнением проф. И. Н. Сенякина, утверждающего, что суть конкретизации заключается в формировании правовых предписаний, развивающих и уточняющих содержание генеральных положений законодательных актов, которые направлены на регулирование отдельных сторон и граней видовых общественных отношений [13, с. 6, 60—61].

Таким образом, конституционная норма, устанавливающая право на судебную защиту, предполагает издание на отраслевом уровне дополнительных условий, гарантий, мер и средств, осуществляющих ее развитие.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ как кодифицированный акт, содержащий гарантии реализации конституционного права на судебную защиту, в этом случае выступает систематизированным средством конкретизации, так как детализирует соответствующие предписания как международных актов, устанавливающих стандарты судебной защиты, так и Конституции РФ.

Исследователи, развивающие учение о конкретизации в общей теории права, утверждают, что она выступает способом достижения завершенности правового регулирования. Мы считаем, что не соглашаться с данным аргументом нет оснований. В рамках нашего исследования следует обратить внимание на то, что завершенность правового регулирования в сфере отправления экономического правосудия должна означать, что все основные элементы права на судебную защиту определены и формально зафиксированы в нормах арбитражного процессуального законодательства.

Поэтому следует говорить о том, что общее закрепление субъективных процессуальных прав, т. е. прямое их нормативно-правовое закрепление, связывается именно с конкретизацией права на судебную защиту субъектов хозяйственной деятельности в действующем арбитражном процессуальном законодательстве. Факт четкого и ясного закрепления субъективного процессуального права, а также последовательное его воплощение во всем нормативном материале является одним из средств, обеспечивающих субъективные

процессуальные права, и как следствие, обеспечивает реализацию права на судебную защиту. Поэтому, если рассматривать конкретизацию субъективных процессуальных прав как уточнение либо раскрытие их

содержательного объема, то ее целью следует считать детальность изложения, позволяющую судить о ее содержательно-предельной исчерпанности.

Список библиографических ссылок

1. Валеев Д. Х. Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве. М.: Статут, 2009.
2. Сенякин И. Н. Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов, 2007. С. 227—268; Байниязова З. С. Принципы правовой системы России: проблемы теории и практики / под ред. В. Н. Синюкова. Саратов, 2006; Эбзеев Б. С. Конкретизация и актуализация норм Конституции РФ как условие и гарантия осуществления прав и обязанностей человека // Рос. правосудие. 2008. № 3. С. 4—17.
3. Рабинович П. М., Шмелева Г. Г. Конкретизация правовых норм (общетеоретические проблемы) // Правоведение. 1985. № 6. С. 31—32.
4. Лазарева В. А. Судебная защита в уголовном процессе РФ: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.
5. Тархов В. А. Гражданское право. Общая часть. Чебоксары, 1997.
6. Эбзеев Б. С. Конкретизация и актуализация норм Конституции РФ как условие и гарантия осуществления прав и обязанностей человека // Рос. правосудие. 2008. № 3. С. 4—17.
7. Витрук Н. В. Конституционное правосудие: учеб. пособие. М., 1998. С. 300—302; Стецовский Ю. И. Судебная власть. М., 1999. С. 120—128.
8. Всеобщая Декларация прав и свобод человека, ст. 8 [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 20.03.2013); Европейская Конвенция прав и основных свобод, ст. 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://european-court.ru/> (дата обращения: 08.11.2011).
9. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 апреля 1999 г. № 6-П, от 11 мая 2005 г. № 5-П и от 21 апреля 2010 г. № 10-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Суоминен против Финляндии (Suominen v. Finland) [Электронный ресурс]: постановление Европейского суда по правам человека от 01 июля 2003 г. (жалоба № 37801/97). URL: <http://european-court.ru/> (дата обращения: 09.11.2011).
11. Кузнецов и другие против России (Kuznetsov and Others v. Russia) [Электронный ресурс]: постановление Европейского суда по правам человека от 11 января 2007 г. (жалоба № 184/02). URL: <http://european-court.ru/> (дата обращения: 09.11.2011).
12. Вассерман против России (Wasserman v. Russia) [Электронный ресурс]: постановление Европейского суда по правам человека от 18 ноября 2004 г. (жалоба № 15021/02). URL: <http://european-court.ru/tag/dostup-k-sudu/> (дата обращения: 20.03.2013).
13. Сенякин И. Н. Специализация и унификация российского законодательства. Саратов, 1993.